

Кузнецова Е. В.

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 107-108. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

стью, языком, языковым сознанием представителей социума и картины мира. Поэтому при сопоставлении двух языков и культур необходимо отталкиваться, во - первых, от самих реалий, какими они существуют в действительности; во - вторых, от их отражений в человеческом сознании (смыслы, концепты); в - третьих, от языковых знаков, связывающих эти смыслы (значение, семантика).

Список использованной литературы

1. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Избр. труды. - М., 1995. - Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. - М., 1990.
3. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М., 1986.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. - М., 2004.
5. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. - М., 1997.
6. Постовалова В. И. Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека: Сб. науч. трудов МГПИИЯ. - М., 1987. - Вып. 284. - С. 65-72.
7. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. - М., 1986.

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

*Кузнецова Е. В.
Астраханский государственный университет*

Гайто Газданов действительно может быть причислен к зачинателям нового романа в литературе XX века. В творчестве Газданова обнаруживаются различные модификации романной формы, реализующие разнообразнейшие жанровые типы видения мира и модели творчества, которые, с одной стороны, перекликаются с идеями символистов, а с другой - предугадывают некоторые элементы поэтики, ставшие традиционными в постмодернистском искусстве.

Его невозможно отнести к определенной школе, это и не удалось ни его современникам, ни сегодняшним исследователям - литературоведам, настолько он многогранен и его творчество представляет собой сплав всех главных литературных течений конца XIX века. Разные критики - современники Газданова и наши современники, исследователи его творчества пытались и пытаются найти в его прозе схожесть с тем или иным русским или западным писателем, распознать влияние тех или иных литературных традиций. Сравнивая все их мнения, мы приходим к выводу, насколько он не поддается какому-то единому определению, каждый исследователь находит в его творчестве что-то свое и каждый, завершая свою работу, отмечает, что изучение наследия Газданова ждет своего продолжения и далеко еще от состояния изученности. Мы тоже попытаемся внести свой вклад в исследование творчества этого замечательного мастера, не получившего еще настоящего, массового признания ни в России, ни на Западе, несмотря на вышедшее собрание сочинений в трех томах, романы, опубликованные отдельными книгами, переводы романов на другие иностранные языки (в частности, во Франции изданы на французском языке 5 романов Газданова). Гайто Газданов начал печататься в конце 20-х годов. Из больших журналов первым, напечатавшим его рассказы (в 1927-1928 гг.), была «Воля России». С 1931 года в «Современных Записках» уже было напечатано 8 рассказов и отрывки из романов. Печатался Газданов также и в «Числах», «Встречах», альманахе «Круг» и т.д.

Проза Гайто Газданова, отражающая собой сплав эпохи перелома в России и начала эмигрантского бытия, в своей основе автобиографичная, и создается впечатление, что поток сознания в ней как бы вытекает из его собственной жизни и его собственных литературных исканий. Если и находят сходство с некоторыми западными писателями, то это можно объяснить его вживанием в современную западноевропейскую традицию, что делает Газданова одновременно и русским, и замечательным европейским писателем. В статье «Молодые писатели за рубежом» М. Слоним писал: «тяготение к «иностранной теме» замечалось иногда и у Г. Газданова, принадлежащего к маленькой группе представителей «нового» направления. Новизна ее, конечно, относительная, и заключается, прежде всего, в том, что примыкающие к ней авторы почувствовали необходимость и обновления словаря и отказа от прежних методов и реализма или символизма. Они отражают на себе те поиски нового стиля, которые в таких широких размерах совершаются в России и идут в направлении неореализма у одних и неоромантизма у других» [Слоним 1929: 116]. Ласло Диенеш, пытаясь дать определение новому явлению в литературе, писал: «В слиянии двух разнородных элементов - русского и западного - в одно целое - прозрачную классическую прозу с новым тревожным содержанием, с ее «арзамасским ужасом» XX века, с утратой веры и всех ценностей и в то же время с духовным преодолением пустоты и, в конечном счете, торжеством над этими разрушительными стремлениями - Газданов создал нечто новое в русской литературе, такое, чего до него не было» [Диенеш 1999: 9].

Следует отметить, что значительный пласт художественной философии Газданова составляет экзистенциальное сознание, которое налицо во всех романах писателя, так как каждое его произведение это поиск человека, раскрытие его сути, предназначения. Однако наиболее полно экзистенциальное сознание выражено в прозе второго периода творчества писателя, начиная с романов «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Полет». Экзистенциальное сознание открыло нового героя в литературе - самоценного, самодостаточного, с неким неповторимым внутренним миром. Этот герой изначально чужд социально и историче-

ски мотивированной «личности» XIX века. Есть мнение, с которым мы согласны, что суть концепции личности, представленной в романах Газданова «Вечер у Клэр», «История одного путешествия», «Полет», постижима лишь в экзистенциальном контексте. Мир этих героев остается закрытым, замкнутым пространством, они так и не объективируются в жизнь, в мир людей, поскольку для них это хаотичное, непознаваемое и враждебное пространство. Сразу после появления его первых рассказов, оценивая дебютную прозу Газданова, М. Слоним подчеркивал особенность его творческой манеры: «И тема, и слог, и очерк действующих лиц отличались резкостью, обведенностью контуров. Он тяготел к «типизации деталей» и к ироническому подчеркиванию парадоксов. И действие его рассказов, и его герои жили в какой-то атмосфере неправдоподобия и случайностей, в постоянной игре событий и чувства. Уже и в этих первых рассказах Газданова обнаруживалось его умение «строить» особый, свой мир, с внутренними законами логики и правды, пожалуй, весьма отдаленный от действительности» [Слоним 1929: 116].

Первый его роман «Вечер у Клэр» сразу же был отмечен благосклонным вниманием критики, которая, однако, отметила влияние Пруста на писателя. Мы не будем углубляться в нюансы критической полемики в этом направлении, об этом написано достаточно много. Приведем, однако, точку зрения Г. Струве по этому вопросу, что общего между ними (Прустом и Газдановым, Е. К.) было лишь то, что «Вечер у Клэр» можно тоже назвать «путешествие вглубь памяти», да еще, пожалуй, некоторое сходство в построении фраз [Струве 1984: 292]. Более того, «Вечер у Клэр» вряд ли можно назвать романом в традиционном понимании этого слова. И не только по критерию, как отмечает Г. Струве, что в отличие от Берберовой, а тем более от Набокова, вымысла в нем не чувствовалось. Но в этом Газданов не был одинок, он следовал традициям европейского романа, все более тяготевшего к исповеди или документу. Как пишет М. Слоним в рецензии на роман: «Трудно в нескольких словах передать содержание недавно вышедшего романа Г. Газданова «Вечер у Клэр», который вся эмигрантская критика отметила как одно из самых ярких литературных явлений последнего времени. Трудность эта лежит в самом характере произведения: оно построено на принципе воспоминания и как будто не обладает тем хребтом, который в романе обычно образован интригой, развертыванием характеров, психологической борьбой» [Слоним 1930: 454]. По сути Газданова обвинили в бессюжетности романа, если роман рассматривать в традиционном понимании жанра. И далее он отмечает: «В этом быстро развертывающемся свитке воспоминаний нет даже подлинного единства сознания, потому что меняется все, и даже тот, кто вспоминает, с трудом ощущает неразрывность собственной личности. Разве что мечта о Клэр придает этим отрывкам видимость связи: это как бы тот основной музыкальный мотив, к которому постоянно возвращается автор, несмотря на все вариации, уводящие его далеко в сторону». Он описывает композиционные особенности романа: «Смена образов и рассуждений, составляющая плоть романа, основана на случайных ассоциациях, порою это ассоциации по сходству или по смежности, и автор переходит от одной картины к другой, не заботясь о внешнем оправдании своего творческого каприза» [Слоним 1930: 455]. Однако М. Слоним указывает, что в романе «несмотря на неровность отдельных частей, есть подлинное художественное единство. Это единство стиля и способа выражения, единство «настроенности» произведения, придающее ему и стройность, и притягательность» [Слоним 1930: 455]. По выделенным критиками особенностям романа Газданова можно отнести его творческую манеру уже к постмодернизму, который определяется следующими характеристиками: 1) неопределенность, включающая в себя все виды неясностей, двусмысленностей, разрывов повествования, перестановок; 2) фрагментарность - писатель-постмодернист предпочитает коллаж, а также монтаж (что особенно проявляется в дебютных рассказах Газданова); 3) деканонизация, относящаяся ко всем канонам и всем официальным условностям; 4) гибридизация, или мутантное изменение жанров, порождающее неясные формы: «паралитература», «паракритика», «нехудожественный роман» и т.д. [Скоропанова 1999: 57-58]. Таким образом, можно сказать, что Газданов был постмодернистом в том, что касается композиционного построения его произведений, с присущими им разрывами в повествовании, монтажностью текстов, мозаичностью, коллажом, заменой романной формы и т.п. Говоря о новизне прозы Газданова, мы отмечаем, в первую очередь, ее структурную и сюжетную новизну. Хотя такие блестящие критики, как Г. Адамович и В. Ходасевич довольно часто упрекали писателя в неумении построить сюжет и тому подобных недостатках, все-таки эти недостатки прозы Газданова объясняются, прежде всего, неспособностью самих критиков исходить в оценке из норм и критериев нового времени. Иначе говоря, они (критики, Е. К.) «устарели», чтобы понять «новое», продолжая сравнивать его с предшественниками.

Список использованной литературы

1. Диенеш Л. Писатель со странным именем // Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. - М.: Согласие, 1999. - Т. 1. - С. 9.
2. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература. - М., 1999. - С. 57-58.
3. Слоним М. Литературный дневник: молодые писатели за рубежом // Воля России. - 1929. - № 10/11. - С. 100.
4. Слоним М. // Воля России. - 1930. - № 5/6. - С. 454.
5. Струве Г. Русская литература в изгнании. - Paris: YMCA-Press, 1984. - С. 292.